

МАРГАРИТА НА ВЕРШИНЕ МАСТЕРСТВА

Наброски к роману с чертами сонатности

(К 80-летию М. Н. Худовердовой)

Анатолий Цукер: Когда размышляешь о фабуле жизни Маргариты Николаевны Худовердовой, невольно возникает сравнение с увлекательным романом, в котором к тому же отчетливо проступают закономерности сонатной формы, с присущей ей конфликтностью, остротой столкновений и одновременно удивительной конструктивной стройностью. Здесь есть своя экспозиция, разработка, динамическая реприза.

Наталья Мецзякова: Это действительно так. Можно даже обозначить конкретное образно-тематическое наполнение этой сонатности. Например, начальный мотив – знаменитое танго «Ах, эти черные глаза...» Откуда взялась эта мелодия?

А. Ц.: Она прилетела из далекого детства нашей героини, вынырнула из тишины зеленых улочек Старой Нахичевани, одного из колоритнейших районов нашего Ростова.

Н. М.: Да, колорит этот неповторим. Уютные дворы, в глубине которых на низких крышах сарайчиков янтарной россыпью золотятся под солнцем спелые жердели. Их еще иногда называют «жердели», ни в Средней полосе, ни на Севере не знают таких слов.

А. Ц.: Но замечу еще, что дело происходило на рубеже 20–30-х годов, когда в каждом окошке из-под цветных абажуров лился теплый свет, а из-под патефонной иглы звучал такой же теплый, воркующий звук ласкового тенора, выводившего мотив популярного танго Оскара Строка. И вот эту мелодию старательно и очень чисто пела маленькая Рита, которой в ту пору еще не было и пяти лет.

Н. М.: Только не Рита, а Адя – так почему-то называла она себя. «Адя, Адюша», – ласково вторила ей мать, Роза Степановна, женщина вообще-то очень строгая, любившая дочь требовательной любовью.

А. Ц.: Но вот на смену танцевальной мелодии приходит совсем другая.

Н. М.: Тема знаменитого «Соловья» Алябьева?

А. Ц.: Да, именно она. Это – тематическое ядро, если хотите – лейтмотив певческой судьбы Марга-

риты Худовердовой. Пластинка с записью дивного голоса Валерии Барсовой стала для Риты-Ади музыкальным пророчеством.

Н. М.: Но могла ли маленькая девочка предполагать, что великая певица станет спустя годы ее наставницей, ее другом?

А. Ц.: Конечно, нет. Невозможно было представить себе, что через много лет, во время учебы Маргариты в Московской консерватории, Валерия Владимировна, официально не являясь ее педагогом, будет творчески опекать ее, присутствовать на всех ее экзаменах, наблюдать ее творческий рост, поскольку увидит в ней свою преемницу, И даже потом, когда Маргарита Худовердова станет оперной примадонной, Барсова будет помогать ей советами, а однажды, во время очередного приезда Маргариты к ней, на

сочинскую дачу, буквально ошеломит ее неожиданным вопросом: «Скажи-ка, Рита, взяла ли ты с собой концертное платье? Ведь здесь, в Сочи, на гастролях находится сейчас Зандерлинг, и я устрою тебе выступление с этим замечательным дирижером».

Н. М.: И благодаря этим летним мастер-классам Маргарита Николаевна составит о Барсовой как о педагоге очень точное представление, которое опровергнет досужие домыслы о педагогической несостоятельности Валерии Владимировны. Но вернемся к нашей «главной партии». Итак, в основе ее – тема «Соловья»...

А. Ц.: Да. И сама Худовердова с детства слыла «ростовским соловьем», она исполняла алябьевский романс во Дворце пионеров, успешно выступала с ним на разных смотрах: от школьного до областного, была любимицей публики. Голос ее был поставлен от природы.

Н. М.: Я слышала, что она сама училась вытягивать «длинные» ноты, а старшая сестра Мария, обучавшаяся в той же музыкальной школе, что и Рита, – в Нахичевани – и прекрасно аккомпанировавшая ей, сверяла эти «длинные» ноты по серебряным дедушкиным часам.

А. Ц.: Интересная подробность, и по-своему символичная – я о ней не знал. В 41-м году Маргарита была выдвинута для участия на Всесоюзной олимпиаде, которая должна была проходить летом в Москве. Но здесь... в сонатной форме происходит внезапный перелом, своего рода «вторжение», передающее ужас бомбежки, грохот артобстрела. Впрочем, и эти звуки перекрываются темой «Соловья»: ведь и во время войны Худовердова продолжает выступать – теперь уже перед эвакуированными на вокзалах и перед ранеными в госпиталях. Она мечтала попасть в состав фронтовой бригады. Но тщательный отбор в эти бригады проводил тогда начальник областного управления культуры Александр Георгиевич Григоров, и он заявил девушке решительное «нет»: «Вам надо не на передовую ехать, а поступать в музыкальное училище – оно откроется через две недели. Вас ждет большое будущее».

Н. М.: Но, поступив в училище, Маргарита испытала разочарование: принимая ее с подготовительного на основной курс, ей явно занизили балл.

А. Ц.: И тут в нашей сонатной экспозиции прозвучит «побочная партия» – «тема протеста»: в ней независимый и бескомпромиссный характер Маргариты (как он знаком и сегодня многим ее колле-

гам!) заявит о себе в полную силу; она восстанет и... уйдет из училища напрямик в театр музыкальной комедии. Сначала поступит в хор, но уже через три месяца будет солировать в комической опере Виктора Долидзе «Кето и Котэ», и не только в Ростове, но и в Москве во время гастролей театра. Публика примет ее восторженно.

Н. М.: А ведь партия Кето изобилует головокружительными пассажами, требует владения легким стаккато и, по мнению самой Маргариты Николаевны, ничем не уступает по степени сложности партии Розины. Кстати, без всякой натяжки «Кето и Котэ» можно назвать «Севильским цирюльником» по-грузински, только двойником Фигаро в этой опере, написанной на сюжет известной комедии А. Цагарели «Ханума», предстает женщина – хитроумная сваха Барбале. «Только моя неопытность поддержала мою смелость», – так будет вспоминать о своем дебюте Маргарита Николаевна. Тогда ей было только восемнадцать. Но успех ее окрылил...

А. Ц.: ...и настолько, что она, оказавшись вместе с театром на гастролях в столице, узнала в горсправке телефон известного когда-то в Ростове профессора Николая Ивановича Сперанского и попросила его прослушать ее. Вердикт профессора, стоявшего некогда у истоков Донской консерватории, был кратким: «Вам надо поступать в вуз». И Маргарита поступает в институт им. Гнесиных, где Сперанский заведовал вокальной кафедрой. Но неумный характер нашей героини и здесь дает о себе знать: параллельно с гнесинкой она прослушивается в Московской консерватории и успешно выдерживает туда вступительные экзамены. Выбор Худовердовой очевиден: разумеется, консерватория! О большем нельзя и мечтать... Только в приемной комиссии гнесинского института наотрез отказываются вернуть ей документы. Они ведь не знали характера нашей Маргариты, она же категорически настаивала на своем.

Н. М.: Значит, вновь напоминает о себе «тема протеста», а экспозиция приобретет конфликтные черты.

А. Ц.: Еще какие! Ситуация накаляется до предела, дело доходит до начальника управления учебных заведений министерства культуры. В кабинете высокого министерского чиновника она с присущей ей решительностью заявит: «Если не разрешите мне учиться в Московской консерватории, я уеду... в Ленинград». И ей разрешили: экспозиция

нашей сонатности завершилась победным утверждением «темы протеста».

Н. М.: «И настою я на своем», – сколько раз потом, исполняя в «Севильском цирюльнике» знаменитую каватину Розины, Маргарита Худовердова повторит эти слова, словно о себе самой. А если говорить об экспозиции, то, мне кажется, нельзя забывать еще об одной теме – лирической теме любви. Она в чем-то сродни теме Марфы из «Царской невесты», одной из самых любимых опер певицы. Эту партию и другие свои коронные роли – Джильды, Антониды, Людмилы – Худовердова стала разучивать еще в консерватории. Ей были близки образы возвышенной, часто – жертвенной любви. А сама любовь – на всю жизнь – к ней пришла еще раньше, во время работы в Ростовском театре музыкальной комедии. Там встретила она своего будущего мужа, истинного Рыцаря Сцены, который до последних своих дней служил ей в высоком смысле этого слова, сопровождал ее в пути к новым профессиональным вершинам.

А. Ц.: Мы начали разговор об учебе Худовердовой в Москве. Наверное, этот период можно считать началом разработки, скажем, ее первым эпизодом. «Экспозиционный» Ростов остался позади, хотя все заявленные там темы и жизненные мотивы продолжили свое развитие. Говоря о консерваторских годах Худовердовой, нужно назвать имя ее выдающегося профессора – Анатолия Никодимовича Доливо. Он прославился не только как тонкий камерный певец, умный и чуткий педагог, но и как блестящий эрудит, ученый, автор серьезных научных трудов – он был доктором искусствоведения, а до этого окончил физико-математический факультет в Сорбонне.

Н. М.: Кстати, в классе Доливо произошел один интересный эпизод. Однажды Маргарита пришла на урок к своему замечательному профессору. В классе присутствовал совершенно незнакомый ей человек. Во время исполнения Худовердовой арии Блонды из оперы Моцарта «Похищение из Сераля» он подошел к ней и, взяв за руку, бережно провел по кругу, возвратив на прежнее место у рояля. А потом профессор Иван Сергеевич Паторжинский – а это был именно он, краса и гордость киевской консерватории, – обратившись к профессору Доливо, удовлетворенно заметил: «Лепестки розы на платье этой студентки не шевельнулись не только во время пения, но даже в процессе движения по классу. У нее идеальное дыхание – такое я на-

блюдал только однажды – у Неждановой». Маргарита Николаевна тогда, наверное, и не могла в полной мере понять, насколько высокой похвалой звучали эти слова из уст прославленного певца и педагога.

А. Ц.: Одним словом, учеба Худовердовой в Московской консерватории увенчалась блестящими результатами. Казалось бы, перед обладательницей роскошного голоса, поражавшего идеальной техникой, бесподобным тембром и фантастическим диапазоном, должны были распахнуться двери лучших театров не только страны, но и мира... Впрочем, так могло бы случиться в наши дни. В то время о мире можно было даже и не думать. Мечтой Худовердовой был Большой театр. Но и он оказался для нее закрыт. Секретарь Большого, изучив документы молодой певицы, вынесла не подлежащий обжалованию приговор: «В Большом театре Вам не петь». Непреодолимой преградой на пути к столичной сцене для Худовердовой стали два обстоятельства – репрессированный отец (указ о реабилитации еще не вышел) и сам факт нахождения ее на оккупированной немцами территории. Начинается новая глава романа, или новый контрастный эпизод разработки: после яркого, полного надежд и творческого поиска периода учебы в Москве Худовердова оказывается в Душанбе.

Н. М.: Тематический материал этого эпизода можно уподобить драматическим интонациям Виолетты: «Ах, зачем я здесь, о Боже...»

А. Ц.: Действительно, эти слова своей любимой героини Маргарита Николаевна вполне могла бы повторить, оказавшись в стенах душанбинского театра: ни репертуар, ни творческий потенциал этого коллектива ее не устроили. Ей снова предстояло искать и выбирать. Из трех предложенных вариантов – Уфа, Новосибирск, Алма-Ата – певица останавливает свой выбор на последнем. Она едет в столицу Казахстана и «задерживается» там... на 18 лет. Алма-атинский театр был в те годы одним из лучших в СССР, действительно столичным: в нем царил атмосфера подлинного творчества, высокая исполнительская и постановочная культура. Достаточно сказать, что партнерами Худовердовой стали Ермек Серкебаев, Виталий Орленин – певцы мирового уровня. А среди дирижеров, с которыми ей посчастливилось работать, были такие корифеи как Борис Хайкин, Фуат Мансуров, легендарный Ниязи.

Н. М.: «Какие имена!», как восклицает Графиня из «Пиковой дамы». Не беда, что «далеко от Москвы» – ни в каком смысле алма-атинская опера не могла считаться провинциальной. Напротив, судя по многим фактам, она была передовой и даже опережавшей некоторые столичные театры. На алма-атинской сцене шли спектакли, о которых в других городах слыхом не слыхивали – например, «Фра-дьяволо» Обера. Маргарита Худовердова в роли Церлины была, конечно, украшением этого спектакля, но замечу и другое: сама эта комическая опера, рожденная почти 180 лет назад, выдержана в жанре комического детектива и по сути... ультрасовременна даже для наших дней, ведь сюжет ее, в центре которого разбойник-оборотень, круто замешан на обмане, оболъщении, грабеже, преследовании и т. п. – о такой фабуле с завистью вздохнут создатели новоиспеченных сериалов!

А. Ц.: Но вернемся к началу артистической карьеры Худовердовой в Алма-Ате. Ее первыми спектаклями здесь стали «Севильский цирюльник» и «Травиата». Дебютировав в партии Розины, Маргарита Худовердова пережила настоящий триумф:

оркестр ей аплодировал, а художественный совет в полном составе пришел за кулисы с поздравлениями. С первых шагов Маргариты Николаевны в театре стало ясно: на оперном небосклоне взойшла настоящая звезда – истинная примадонна. При этом она была начисто лишена худших качеств оперной дивы – изнеженности, капризности.

Н. М.: Она прежде всего служила театру – была его Жрицей, возможно еще и поэтому культовый образ Лакме в одноименной опере Делиба не составлял для нее трудностей, а виртуознейшую – на грани невозможного – арию с колокольчиками она исполняла с такой поразительной легкостью и с такой кристальной чистотой, что зрители ощущали себя свидетелями настоящего чуда. Критики, составившие гастрольную летопись певицы, – а ей приходилось много гастролировать по стране как с театром, так и по персональному приглашению, – с трудом подыскивали эпитеты, чтобы передать непостижимое совершенство этого уникального инструмента под названием «человеческий голос».

А. Ц.: Очень важно еще, что алма-атинский театр, и без того поразивший певицу многообразием своего репертуара, еще больше расширил его, благодаря уникальным возможностям Худовердовой. Некоторые редко идущие спектакли ставились специально на нее. Ну, кто, кроме Маргариты Худовердовой, смог бы так блистательно спеть и сыграть за пределами сложную роль Куклы из «Сказок Гофмана» Оффенбаха?! Каждое выступление Худовердовой в этом спектакле становилось творческой сенсацией, потрясением для зрителей – как замороженные следили они за механическими жестами Куклы, двигавшейся как будто бы на шарнирах. Никто из публики даже не догадывался, что за чудесным превращением живой женщины в куклу стоял титанический труд – после выхода в этой роли у артистки страшно болели ноги, трудно было ходить.

Н. М.: А партия Маргариты в «Фаусте»! Как правило, она поручается не колоратурным, а крепким лирическим сопрано. Певица сама проявила инициативу, и руководство театра предложило ей испытать себя в двух самых сложных, драматических сценах – в храме и в тюрьме, а, став свидетелем очередного профессионального успеха многогранной актрисы, пришло к выводу: Маргарита должна петь Маргариту. И вновь автобиографически звучали слова в финале блестящей арии: «Да, чудный миг наступил, королевой ты стала!». Маргари-

та Худовердова действительно стала Королевой сцены, и жемчужинами в ее короне стали правительственные награды и по-настоящему заслуженное ею звание заслуженной артистки Казахстана.

А. Ц.: Был еще и блистательный успех в Москве на Всемирном фестивале молодежи и студентов, где Худовердова и Серкебаев стали лауреатами международного конкурса. Но, наверное, мало кто из подданных Королевы Маргариты, поклонников ее таланта – а их было великое множество по всей стране, от Прибалтики, Украины до Сибири – мог ясно представить себе, какого огромного напряжения сил, какого титанического труда требовало такое искусство, ценой какого самоотречения был оплачен, а порой и оплакан королевский венец, от чего ей, Королеве, в обычной земной жизни приходилось отказываться... Будучи ведущей солисткой, Худовердова была занята практически во всем репертуаре: в «Руслане» и «Царской», в «Травиате» и «Риголетто», в «Богеме» и «Лакме», в «Фаусте» и «Фра-дьяволо», в «Севильском» и «Сказках Гофмана», причем некоторые партии исполняла только она. А еще концерты, гастроли, разучивание новых партий, плюс общественная и педагогическая деятельность. Ритм жизни бешеный, работать приходилось с утра до ночи. И это – не просто слова. Сохранилась рабочая записная книжка Маргариты Николаевны, отразившая ежедневный перечень ее дел; читаешь – и «голова кругом». Когда она все успевала?

Н. М.: Действительно, «разработка» более чем насыщенная. И, кажется, она приблизилась к своей ликующей кульминации, но... Вот снова зазвучала «тема любви», но только теперь в миноре, печально-прощально, обретая трагические черты... Наступил 1972-й – роковой для Маргариты Николаевны год: внезапно умирает ее муж. Она остается в Алма-Ате одна, а в Ростове – пожилая, больная мать, которую она и прежде ежегодно навещала, никогда не обделяя своей любовью, заботой, и – тоже одна. Единственный выход в этой ситуации: оставить сцену и ехать в Ростов, к матери.

А. Ц.: Я представляю, каким тяжелым было это решение – уйти из театра в момент творческого расцвета, на пике успеха, известности. Но и здесь сказался характер: если решение принято, обратного пути уже нет. В 1972 году Худовердова, теперь уже навсегда, возвращается в Ростов.

Н. М.: С этого момента и начинается в жизни нашей героини реприза. Но реприза динамическая,

наполненная развитием, разработочностью. Да и могло ли быть по-другому, учитывая ее деятельную натуру! К тому же Маргарите Николаевне было тогда всего 46 лет.

А. Ц.: И все же начинать все с начала было совсем не просто. Я хорошо помню момент ее первого появления в музыкально-педагогическом институте (так в те годы называлась Ростовская консерватория), а еще раньше – в доме Хинчин – Здановича. Это была легендарная пара, а точнее, одно неразрывное человеческое и творческое целое: Александр Павлович Зданович – один из самых известных в стране вокальных педагогов, профессор и заведующий кафедрой сольного пения, и Лия Яковлевна Хинчин – профессор, заведующая кафедрой истории музыки и одновременно блистательный педагог по классу камерного пения. Как много зависело от их отношения к Маргарите Николаевне – человеку, пережившему тяжелую утрату, резко поменявшему весь уклад своей жизни! И в лице маститых профессоров она нашла добрых и внимательных друзей, гостеприимных хозяев, заботливых помощников, чутких наставников. Ведь многому приходилось учиться заново: строить отношения на кафедре (а вокальные кафедры в этом смысле требуют особого искусства), овладевать навыками методической работы, писать учебно-методические пособия и статьи. Лия Яковлевна стала своего рода научным руководителем, Александр Павлович – профессором-консультантом. И оба они сразу же оценили незаурядные педагогические, методические способности Худовердовой.

Н. М.: Я думаю, в этом сказался и ее собственный педагогический опыт, приобретенный еще в Алма-Ате. Уже там она удивила своих более опытных коллег профессиональными успехами на педагогическом поприще: из тех «подранков», которых заботливые коллеги охотно «спихивали» в класс молодого преподавателя, Маргарита Николаевна вырастила, что называется, прекрасных лебедей. Вот яркий пример – Рахима Жубатурова. Это потом она стала народной артисткой Казахстана, лауреатом Всероссийского конкурса имени Глинки, а тогда попала в разряд «профнепригодных», была отчислена из Алма-атинской консерватории, с грехом пополам восстановлена и... определена в класс Худовердовой. Не случись этого, трудно сказать, как бы сложилась ее судьба. Но прошло не так уж много времени, и однажды по трансляции

Всесоюзного радио ее чудесный голос донесся из стен Колонного зала. Она покорила, «взяла» Москву – конечно, благодаря учебе в классе Маргариты Николаевны.

А. Ц.: А в Ростове Худовердова достигла в педагогике таких же вершин (по-другому она, по-видимому, не может), каких ранее – в артистической деятельности. Она – ведущий профессор по классу вокала, заведующая кафедрой сольного пения, опытный, маститый педагог, известный в стране и за рубежом, прежде всего, разумеется, благодаря успехам своих воспитанников. И успехи эти впечатляют. Многие ее ученики стали победителями престижных международных конкурсов, украшают оперные, опереточные и филармонические сцены разных городов страны, а также ближнего и дальнего зарубежья, поют в крупнейших музыкальных театрах. Достигла мировой известности Сусанна Чубарова, связавшая свою судьбу с Сан-Франциско. В Москве, в «Геликон-опере» успешно развивается дарование Карины Григорян, а в Мариинском театре, в Санкт-Петербурге, блистают настоящие звезды из класса Худовердовой – лауреаты международных конкурсов Виктория Ястребова, Анна Маркарова, Карина Чепурнова. Мощный творческий темперамент заслуженной артистки России Анны Маркаровой, завоевавшей недавно гран-при на сложнейшем международном конкурсе им. Римского-Корсакова, проявился в совмещении театральной деятельности с концертной: работа над партиями Амнерис, Эболи, Клариче, участие в постановке оперы Берлиоза «Путешествие в Реймс» не мешают ей готовить концертные программы и радовать ими в союзе с Ларисой Гергиевой слушателей Барселоны, Лондона, Парижа и других европейских городов. Другая талантливая актриса и певица Карина Чепурнова, работая в «Маринке», приняла учас-

тие в постановке «Богемы» Пуччини в Варшавской опере, удостоившись самых восторженных отзывов известных театральных критиков. Виктория Ястребова, создавшая на сцене Мариинского театра яркие образы Виолетты, Марии в новой постановке «Мазепы», выступая на одном из международных конкурсов, была вознаграждена лестным сравнением с Терезой Стратас. Словом, всего не перечислить...

Н. М.: Мы и не будем этого делать. И все же отдельно стоит сказать о вкладе Худовердовой в творческую жизнь Ростовского музыкального театра. Ведь костяк молодой оперной труппы составили ее выпускники. Сегодня оперные и опереточные спектакли театра невозможно представить без баритона – заслуженного артиста России, победителя престижных творческих состязаний Петра Макарова, сопрано – Ольги Макаровой, меццо-сопрано – Оксаны Андреевой, колоратуры – лауреата международного и всероссийского конкурсов Натальи Дмитриевской. Маргарита Николаевна продолжает воспитывать молодых певцов, помимо консерватории, и в театре, работая там вокальным педагогом. И как член художественного совета театра она привносит в него свой богатейший сценический опыт, точные представления о том, кем и каким должен быть в театре режиссер, дирижер, певец, концертмейстер.

А. Ц.: В этом ведь тоже проявляются репризные черты музыкальной формы, в которую облеклась жизненная фабула певицы. Маргарита Худовердова снова пришла в театр – Ростовский музыкальный, ставший прямым преемником той самой ростовской музкомедии, где начинала она свою сценическую карьеру. Можно сказать, она вернулась в родные Пенаты, вернулась в новом качестве, но с прежним горением, молодой энергией и влюбленностью в музыкальную сцену.